

Теологические основания, история и современная практика церковной миссии и катехизации

Интервью с прот. Александром Сорокиным, священник, Георгием Кочетковым, священник, Алексеем Максимовым, Д. Керамидасом

Теологические основания, история и современная практика церковной миссии и катехизации. Интервью с прот. Александром Сорокиным, священник, Георгием Кочетковым, священник, Алексеем Максимовым, Д. Керамидасом // Вестник Свято-Филаретовского института. 2021. Вып. 39. С. 105–122 • DOI: 10.25803/26587599_2021_39_105

В интервью затрагиваются вопросы соотношения практики и теоретического осмысления церковной миссии и катехизации. Процесс формирования методологии и понятийного аппарата данной области теологии в православной церкви начался сравнительно недавно, поэтому нуждается в дальнейшей разработке и научной рефлексии. В интервью представлен опыт катехизаторов, занимающихся воцерковлением взрослых людей уже несколько десятков лет, а также размышления исследователей истории и теории миссиологии и катехетики как научных дисциплин. Катехетика как предмет изучения связана с основополагающими принципами оглашения, которые она описывает и раскрывает. Катехетика соприкасается с литургией, поскольку, с одной стороны, в богослужебных текстах и чинопоследовании сохраняется порядок раннехристианской практики оглашения, а с другой стороны, современная катехизация ставит перед литургией новые задачи, например, связанные с необходимостью литургического оформления введения в церковное собрание уже крещеных, но не воцерковленных людей. Миссиология в настоящее время рассматривается не как описание миссионерской деятельности церкви или ее отдельных представителей, а как рефлексия об основополагающем принципе *missio Dei* (миссия Бога), согласно которому субъектом миссионерской деятельности является Сам любящий Бог, желающий спасения Своему творению.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: теология, катехетика, миссиология, катехизация, миссионерская деятельность, оглашение, крещение.

The Theological Basis, History and Current Practice of Church Mission and Catechesis

Interviews with Archpriest Alexander Sorokin, Fr. Georgy Kochetkov, Fr. Alexei Maximov, D. Keramidas

The Theological Basis, History and Current Practice of Church Mission and Catechesis. Interviews with Archpriest Alexander Sorokin, Fr. Georgy Kochetkov, Fr. Alexei Maximov, D. Keramidas // The Quarterly Journal of St. Philaret's Institute. 2021. V. 39. P. 105–122. DOI: 10.25803/26587599_2021_39_105

These interviews discuss the relationship between practice and theoretical reflection on Church mission and catechization. The process of shaping the methodology and conceptual apparatus for mission and catechesis, as well as their study, is a fairly recent phenomenon within the Orthodox Church and therefore begs further development and scientific reflection. The interviews present the experience of catechists who have been involved in the churching of adults for several decades, as well as the reflections of researchers into the history and theory of missiology and catechetics as scholarly disciplines. Catechetics as a subject of study is related to the fundamental principles of catechesis, which it describes and reveals. Catechesis is closely related to liturgy because, on the one hand, liturgical texts and rites preserve the order of the early Christian practice of catechesis and, on the other hand, the modern practice of catechizing newcomers to the Church poses new tasks in terms of Liturgics. One example is the current need to liturgically denote the introduction of the “already baptized” but “not-yet-churched” into the church assembly. Missiology is now seen not as a description of the Church’s or her individual representatives’ missionary activity, but as a reflection on the fundamental principles of *missio Dei*, according to which the subject of missionary activity is a loving God Himself who desires salvation for His creation.

KEYWORDS: theology, catechetics, missiology, catechization, missionary work, catechesis, baptism.

ВОПРОСЫ

1. *Позволяет ли современная практика церковной миссии и катехизации перейти к ее теоретическому осмыслению? Существуют ли конфессиональные особенности традиции миссии и катехизации? В чем они выражаются?*
2. *Как должно происходить формирование методологии и понятийного аппарата данной области теологии: с опорой на тексты Ветхого и Нового*

завета? Через обращение к опыту протестантской и католической теологии? Благодаря заимствованию методологии и терминологии светских гуманитарных дисциплин? На какие «ресурсы» православной богословской мысли следует в данном случае полагаться?

3. *С какими научно-богословскими областями знания соприкасаются миссиология и катехетика, где их исследовательское поле?*
4. *Кто из богословов (теологов) внес наиболее значительный вклад в разработку миссиологии и катехетики как научных дисциплин?*
5. *Каким образом должно осуществляться взаимодействие между теологическими основаниями и современной практикой церковной миссии и катехизации?*

Протоиерей Александр Сорокин

Кандидат богословия, настоятель храма Феодоровской иконы Божией Матери (Санкт-Петербург) / Ph.D. in Theology, Rector, Cathedral of Feodorovskaya Icon of the Mother of God (St. Petersburg) • verbum@list.ru

1. Я занимаюсь катехизацией с 1997 г. Конечно, за 24 года сложились определенные принципы и подходы к катехизации, которые были сформулированы в пособии «От Пасхи к Пасхе»¹.

Во-первых, если под катехизацией понимать осознанное вхождение человека в Церковь, то это в любом случае длительный процесс — не бесконечный, но занимающий определенный период времени. Вхождение в Церковь не может быть сиюминутным решением или кратковременным событием. Само слово «катехизация» предполагает процесс, продолжительный во времени. В Феодоровском соборе катехизация проходит 9 месяцев.

Во-вторых, катехизация в современной церкви, в отличие от Древней церкви, касается людей как некрещеных, так и крещеных. В нашей культуре, в нашем народе быть крещеным или не быть крещеным — это во многом жребий. В одной и той же семье кого-то отнесли в храм и покрестили по традиции, а кого-то просто не донесли до храма. При этом обстановка, в которой растут эти люди, абсолютно одинакова. Поэтому, когда человек достигает какого-то возраста, когда он задумывается, кто он такой, хочет ли он быть христианином, для него часто оказывается открыти-

1. Сорокин Александр, прот. От Пасхи к Пасхе: Пособие по катехизации, или оглашению, составленное на основе многолетнего опыта в Феодоров-

ском соборе в Санкт-Петербурге. Санкт-Петербург : Издательская программа Феодоровского собора, 2020. 320 с.

ем, что он крещен или не крещен. Конечно, по факту крещения никто не ставит под сомнение членство в Церкви того, кто крещен, но по своему церковному и эмпирическому состоянию, по опыту и знаниям крещеные и некрещеные люди не отличаются. Поэтому на катехизацию приходят и те, кто хочет креститься, и те, кто, будучи крещеными, ничего не знают о своей вере. И те, и другие с благодарностью принимают эту возможность. Для крещеных катехизация — восполнение того, что должно было быть когда-то в качестве подготовки к крещению.

В-третьих, важно, что всей приходской общиной катехизация осознается как важнейшее, центральное дело; катехизация определяет жизнь прихода. Это выражается в том, что оглашаемые стоят всегда в центре храма; ектеня и молитва об оглашаемых на литургии звучат ровно в тот период, когда есть катехизация (с октября до Пасхи); катехумены после завершения первой части литургии покидают храм целой группой; когда начинается катехизация, об этом объявляется всем прихожанам; катехизацией занимаются все клирики храма и некоторые миряне. Самый яркий пример — Великая суббота, когда происходит крещение оглашаемых. В верхнем храме идет служба для всех с особыми паремиями, а само крещение идет в нижнем храме, где расположена купель. Там находятся только крещаемые и те, кто с ними проходил катехизацию. После крещения, при пении «Елицы во Христа креститесь, во Христа облекостесь», новые члены церкви поднимаются в верхний храм и присоединяются к собранию. Это один из самых красивых моментов в богослужбном году. Очень трогательный момент. Многие в приходе вошли в церковь через катехизацию, и они приглашают других. В приходе существует особая общая аура, всему, что связано с катехизацией, здесь дается «зеленый свет».

Четвертый принцип — последовательность, движение от простого к сложному и ориентация на катехуменов. Правда, вопрос о том, что простое, а что сложное, является дискуссионным. В нашей практике сложились два подхода. Первый, более академичный, когда тематические встречи распределены по всему огласительному циклу, имеют лекционный формат, построены на основании текстов Библии: о сотворении мира, о грехе, о сотворении человека, об азах богослужения; затем, ближе к Великому посту, толкуем Символ веры, а после Пасхи проводится тайноводство. Второй подход сначала вообще не предполагает никаких тем, а просто в группах катехизаторы отвечают на вопросы. Эта

разница обусловлена не только тем, что у катехизаторов разные подходы, но и тем, что сами катехумены разные: есть те, кто хочет именно какого-то тематического системного знания с самого начала, а есть те, кому это не близко или трудно. Нам легко говорить о сотворении мира, о грехе, а многие люди вообще не понимают, о чем идет речь. Им легче войти в процесс оглашения без каких-то тем, бесед, просто читая евангелие и задавая вопросы. Так что тут методология может быть разная.

Еще один принципиальный для нас подход связан с отказом от запретительства, которого и так слишком много в нашей церкви. Я надеюсь, что то, о чем мы говорим на оглашении, точнее Тот, о Ком мы говорим, озаряет сердца людей, как солнце, и люди обретают способность сами видеть, где чистое, а где помойка. Нам важно привести людей в Церковь, а не в Федоровский собор или к какому-то священнику, научить человека самому «различать духов», привить вкус к пониманию того, что первостепенно, а что вторично в церкви, в духовной жизни. В результате оглашения человек может научиться пользоваться свободой, которая дарована нам во Христе.

На огласительных встречах должна складываться очень доверительная атмосфера, без всякой напыщенности, излишней серьезности. Этому способствуют и чаепитие, и добрая шутка. Юмор, конечно, есть; раз уж он в евангелии есть, то почему же ему не быть на катехизации. В результате естественным образом между людьми возникают горизонтальные связи. Я не сразу понял их важность. Я воспитан в церковной семье, и с детства меня окружала церковная среда. Только постепенно я понял, что для многих людей катехизация становится способом обрести церковное общение. Поэтому среди целей катехизации нужно назвать не только получение знаний, но и обретение единомышленников. Это очень ценно для многих людей сегодня. Я бы даже сказал, что в этом смысл катехизации. Лекции можно и по радио послушать или в интернете, а живое общение не просто с духовным наставником, а со своими единомышленниками и единоверцами — это, конечно, бесценная вещь.

2. Возможно, в поисках языка, на котором нужно говорить о катехизации, следует обратиться к христианскому литургическому наследию. Наша богослужebная традиция богата разными текстами, молитвами, предназначенными для оглашаемых или для церковного собрания, которое опекает катехуменов. Однако ли-

тургическая традиция предусматривает только тот случай, когда оглашаемый готовится к крещению. Именно к ним обращен возглас: «оглашенные изыдите». Но в современной практике на сотню катехуменов приходится, условно говоря, пять некрещеных. Как молиться об остальных? У нас литургически не выработан никакой формат для такого большинства. Молиться о людях крещеных, но не просвещенных как об отпавших тоже неправильно. В молитве написано, что они как блудные сыны, заблудшие чада, но люди не по своей воле отпали, просто были воспитаны вне веры. Безусловно, нам не хватает литургической оформленности как самого процесса оглашения крещеных, так и их вступления в Церковь. Катехизация ставит перед литургией новые задачи.

Во время катехизации мы вынуждены знакомить людей с существующей церковной терминологией, литургической или библейской. От этого не уйти, мы в каком-то смысле заложники традиции. Особенно на тайноводстве приходится использовать сложные слова, поясняя их, конечно. Но при этом, как я считаю, мы используем вполне понятный язык и переводим некоторые церковные понятия на обычный язык современного человека. Конечно, на современный культурный, а не вульгарный, язык. Я вообще сторонник разговора о сложных вещах простым языком, в принципе, чего бы это ни касалось, но простым не в смысле примитивным. С. С. Аверинцев, как мастер изящного слова, умел писать просто и грамотно об очень сложных христианских вещах. Наверно, пример языка Аверинцева подходит и для катехизации.

5. Взаимодействие между теологическими основаниями и современной практикой церковной миссии и катехизации должно осуществляться в деле подготовки катехизаторов. Чтобы стать катехизатором, надо мочь, уметь и хотеть. Мочь — это иметь образование, желательное и светское, и богословское, причем во всех сферах богословского знания: от литургики до истории церкви и аскетике. Уметь — это обладать умением хоть как-то общаться с людьми, вести группу с разными катехуменами. Хотеть — это энтузиазм, желание служить, отдавать свое время. Катехизация — волонтерское служение не только для мирян, что понятно, но и для священников.

Конечно, катехетика — это дисциплина во многом практическая, но в любой практической области есть определенная теория, которой важно овладеть. К сожалению, в духовных семинариях мы имеем дело с вековым, тысячелетним представлением о

священстве как о жречестве. В семинарии принято воспитывать будущих священнослужителей, и катехизация не воспринимается как нечто входящее в обязательный комплект трудов служителя алтаря. Мне кажется, что будущих пресвитеров важно учить, как передавать людям опыт веры, объяснять основы катехизации как комплексного процесса.

Сейчас в Санкт-Петербургской епархии действуют курсы повышения квалификации священников. Меня пригласили на эти курсы, чтобы рассказать нашим батюшкам про катехизацию. Мне дали целых три часа, и из этого потом родилась книжка. Недавно снова были такие курсы. Клирикам нужно было выбрать один из прочитанных предметов и писать по нему итоговую работу. Работу по катехизации выбрали 17 человек. Если бы программа по катехетике была рассчитана на целый год, конечно, нужно было бы изучать и теорию, и история катехизации в ее соотношении с современностью, но на первом месте все равно должна оставаться практическая сторона.

Священник Георгий Кочетков

Кандидат богословия, главный редактор журнала «Вестник Свято-Филаретовского института» (Москва) / Ph.D. in Theology, Editor in Chief, The Quarterly Journal of St. Philaret's Institute (Moscow) • info@sfi.ru

1. Не представляю себе катехизатора, который оглашает и не понимает то, что он делает, т. е. не понимает основных подходов. Катехетика — это такой предмет, который помогает найти основные подходы ко всему процессу оглашения: и к подготовке катехизаторов, и, тем более, к самим катехуменам. В катехизации, как в малой капле воды, отражается все христианское богословие, весь опыт Богопознания святых и опыт божественного Откровения. Мне, конечно, пришлось очень многие вещи переосмысливать и формулировать, особенно в области мистагогии, которая включает представления о таинствах и догматах, основы аскетики и мистики, христианскую антропологию. Благодаря этому осмыслению родились совершенно новые области богословия. Мне удалось подумать и о патерологии, т. е. учении о Боге-Отце, и о пневматологии, и об экклезиологии, хотя эти догматы не были сформулированы в истории церкви.

Богословие и рождается из этого живого и жизненного процесса научения людей вере. Из этого процесса должна рождаться и рождается и система оглашения, и предмет «катехетика». Ка-

техетика, как предмет изучения, должна показывать, как в конкретных формах можно воплощать принципы оглашения. Важны именно принципы катехизации. Эти принципы в любую эпоху во всех случаях должны были быть одни и те же, хотя их конкретное наполнение, язык, формы, конечно, значительно меняются в зависимости от времени.

Нужно быть очень творческим человеком, чтобы эту святоотеческую катехизацию использовать, от нее не уходить, ее понимать и чувствовать, и не быть при этом буквалистом, т. е. фундаменталистом, в данном случае это было бы одно и то же. Но ни в коем случае нельзя проводить современную катехизацию буквально по старым катехизисам. Единой святоотеческой традиции катехизации никогда не существовало; сколько катехизаторов, столько и систем, и учений, и текстов и т. д. К этому можно добавить историческую разницу, в разные эпохи все тоже было разным в разных странах, у разных народов и культур. Поэтому повторю, важно знать принципы катехизации, неизменные во все времена.

2. Язык катехетики должен быть тесно связан с языком катехизации, а здесь далеко не все так просто. В настоящий момент я занимаюсь глубокой редакцией своих катехизисов для оглашаемых и катехизаторов: «В начале было Слово» и «Идите научите все народы»². В основе этих катехизисов устные беседы; к публикации их готовили профессиональные редакторы, но этого оказалось крайне недостаточно. Материал настолько сложный, что нужна не столько редакторская, сколько богословская работа над текстом. В катехизисах есть сложные и спорные места, и есть места, которые вообще приходилось формулировать впервые, они еще не были введены в контекст общехристианского учения, общеправославного учения. Выражая эти тонкие и новые смыслы, приходится действовать по интуиции или по откровению. Но ведь себя надо проверять не только по смыслу и по духу, но и по форме. Надо, чтобы эти сложные вещи были доступны читателю. Поэтому приходится все время переформулировать, додумывать до конца. Пришлось выработать какую-то единую понятийную систему. Отсюда огромное количество понятий и слов в опреде-

2. Кочетков Георгий, свящ. «В начале было Слово» : Катехизис для просвещаемых. 3-е изд., испр. и доп. Москва : СФИ, 2018. 464 с. : ил.; Он

же. «Идите, научите все народы» : Катехизис для катехизаторов : В 7 ч. 2-е изд., испр. и доп. Москва : СФИ, 2015–2016.

ленном контексте, который отнюдь не однозначен в традиции. Встал, например, вопрос, как писать то или иное слово — когда с большой, а когда с маленькой буквы. Это связано не столько со степенью уважения, сколько с необходимостью формировать новый понятийный аппарат, определенный инструментарий, позволяющий различать близкие, но не тождественные понятия: Писание и писание, Слово и слово и т. д.

Да, существует множество огласительных гомилий и других ранних катехизических текстов. Но мы знаем их в разных переводах. Никто понятийный аппарат, который использовали раннехристианские катехеты, никогда не сводил в единую систему. Эта собственно научная работа никогда в истории не производилась. Наши учебники по богословию часто были слишком схоластическими, скопированными с западных образцов, а также фрагментарными. Мы не можем сказать, что в них сформулировано все православное учение. Поэтому при работе над катехизисами приходилось собирать весь библейский, святоотеческий, исторический, культурный опыт, наработанный в церкви веками.

Со временем менялся смысл понятий, например, понятий символа и таинства. Их современное понимание нужно было привести в соответствие и с церковной традицией, и с семиотикой. Созрела необходимость в создании универсальной понятийной системы. К нам на оглашение приходят самые разные люди: от самых простых, не очень образованных, возрастных, иногда даже не очень здоровых душевно, до докторов наук и академиков. Мы принимаем всех при одном только условии — что они верующие. Если человек верующий, кем бы он ни был, он должен получить полные ответы на все свои духовные и интеллектуальные запросы, встречаясь с Богом и встречаясь с Церковью, а значит с церковной традицией и с церковным учением. Сейчас этого не происходит. Люди употребляют одни и те же понятия в разных смыслах, в зависимости от того, кто какие книжки читал. Но катехизатору важно преподавать церковную традицию так, чтобы его понимали, чтобы не было смысловых противоречий. Катехизация должна обладать качеством целостности. Это духовная задача, но она же и задача культурная, и просветительская, и общечеловеческая.

5. Катехизация в буквальном переводе — собеседование. Для того чтобы вести катехизацию или изучать процесс катехизации, нужно научиться говорить открыто, как внутренне, так и внешне, на те темы, которые очень трудно выражаются языком. А как

учить? Только на своем примере. Ты должен сам внутри себя иметь какую-то целостную картину христианской жизни, основные критерии ответов на главные вопросы по всем направлениям жизни. Конечно, это совершенно уникальная задача. Не случайно в первые века христианства высшим уровнем христианского образования было любомудрие, когда люди называли друг друга таинниками или сотаинниками. Что значит сотаинники? Это кто? Это мистагоги и мисты; это те, кто вводит в церковные таинства, и те, кого в эти таинства вводят. Достичь этого уровня можно было постепенно, поэтому катехизация шла долго — от трех до пяти лет. В наше время иногда получается то же самое. Есть люди, которые за полгода никак не огласятся и никак в церковь не войдут. Были случаи, когда оглашение приходилось вести десятки лет. Это был сложный, духовный, личностный процесс именно словесного общения, не только духовного, но и смыслового. А эта осмысленность требует насколько только возможно четкого категориального аппарата, чтобы и не уйти в рационализм, но и не уйти в немоту духовную.

Катехетика, конечно, чрезвычайно важный предмет для духовных и теологических учебных заведений. Он призван, во-первых, познакомить всех студентов с принципами катехизации, а во-вторых, показать, как можно применять эти принципы в жизни, какие есть примеры в истории, а какие в современности, какие в православии, а какие в других церквях. Надо думать, как весь этот язык очень сложной христианской культуры перевести на наш язык и при этом не оторваться от почвы. Это, по-моему, очень интересная и очень важная задача.

Священник Алексей Максимов

Клирик храма св. вмц. Екатерины в Риме, старший преподаватель кафедры богословских дисциплин Московской Сретенской духовной академии (Москва) / Priest, St. Catherine Russian Orthodox Church, Rome, Senior Lecturer, Department of Theological Disciplines, Sretensky Theological Academy (Moscow)
alessimaks@gmail.com

1. Говорить о том, способствует ли практика миссии переходу к теории, достаточно сложно, поскольку здесь всплывает целый комплекс побочных вопросов, главный из которых звучит так: о какой именно христианской традиции идет речь? Теоретическое осмысление христианской миссии давно уже является составной частью католической и протестантской миссиологии.

Более того, пионеры как протестантской (Густав Варнек), так и католической (Роберт Стрейт, Йозеф Шмидлин) миссиологии подчеркивали, что последняя (*Missionswissenschaft*) есть понятие интегральное, включающее в себя не только осмысление практики апостольской деятельности, но прежде всего богословскую и философскую рефлексию о самой природе и значении миссии. Концентрация внимания на акциденциях провоцирует нивелирование миссиологии, ставя ее в разряд «одного из» видов деятельности Церкви, «одной из» теологических дисциплин и т. д. В то время как миссиология в аутентичном значении этого слова есть не описание миссионерской деятельности Церкви, а всеобъемлющая рефлексия о Церкви в ее выходе в мир. И здесь заключается ответ на второй вопрос о конфессиональных особенностях миссии. Именно протестантская и католическая рефлексия за сто с небольшим лет существования миссиологии как академической дисциплины и области теологического знания сформулировали теперь уже достаточно известный в богословских кругах принцип *missio Dei* (миссия Бога), согласно которому не человек и даже не Церковь являются субъектами миссионерской деятельности, а Сам Бог, Который по причине Своей неизреченной любви дает первый импульс к тому, что сегодня мы называем миссией, ибо Первый Посланный для спасения мира — Единородный Сын Божий *¹. В рамках данной перспективы Церковь становится инструментом Божьей миссии любви и спасения. Но именно данный пункт является тем камнем преткновения, о который многие продолжают спотыкаться. Протестантское понимание Церкви не может быть поставлено в один ряд с католическим, а последнее — с православным. К сожалению, далеко не всякий христианский богослов отдает себе отчет в том, что экклезиология является ключом для миссиологии. Если в догматических дискурсах мы привыкли традиционно говорить о Боге *ad intra* (о Самом в Себе) и *ad extra* (в Его икономии), то и о Церкви требуется говорить в двух модусах ее бытия: *ad intra* (внутреннего бытия) и *ad extra* (в ее откровении миру, выходе в мир). Миссия есть не что иное, как Церковь *ad extra*, не деятельность, но само ее бытие, само ее существование в этом мире *². Поэтому я не ставил бы в один ряд миссию и катехизацию, поскольку это явления разного онтологического уровня. Катехизация — это логическое выражение миссионерской по своей природе Церкви, или Церкви-миссии.

Возвращаясь к вопросу о конфессиональных особенностях, необходимо также отметить, что, на наш взгляд, современное

*¹ Ср. Ин 3:16–18

*² Ср. Ин 17:15–18

*1 Ср. Мф 28:19

*2 Ср. Ин 1:46

богословское разграничение двух миссионерских парадигм — матфеевской (или активной ^{*1}) и иоанновской (или аттрактивной ^{*2}) — дает достаточно ясное представление о конфессиональных особенностях церковной миссии. Если западная модель сформирована преимущественно посредством активной позиции, и вся история сначала католических, потом и протестантских миссий является этому примером, то восточная модель — это прежде всего миссия свидетельства. Конечно, мы не можем говорить, что как на христианском Западе, так и на православном Востоке отсутствовали нехарактерные для той или иной церкви парадигмы. Равно как и нельзя проводить четких демаркационных линий между этими двумя парадигмами. Речь идет, в первую очередь, о приоритетах. Мы знаем, насколько миссионерским был XIX век в Российской империи. Подобная активность вдохновлялась и, несомненно, матфеевским миссионерским императивом, однако, позволим себе утверждать, идеал был все-таки заимствованным и достаточно трудно находил себе дорогу, поскольку не был привязан к церковному менталитету русского этноса. Данная тема достаточно многосложна и многообразна для того, чтобы уместить ее изложение в кратком обзоре. В настоящий момент я как раз работаю над монографией по теме аттрактивного измерения миссии в православном сознании.

2. Мне кажется, что при ответе на этот вопрос вполне уместно вспомнить знаменитое выражение «не стоит изобретать свой велосипед». Являясь автором монографии по западной миссиологии³, не могу не подчеркнуть, что христианская рефлексия в области миссии достигла сегодня внушительных результатов, в том числе выработав в долгой борьбе и академических дискуссиях достаточно устойчивую миссиологическую терминологию и методологию. Вне сомнения, какие-то особенности необходимо должны и, надеюсь, будут сформулированы православным богословием миссии, однако стоит, наверное, перестать бояться всего, что приходит с Запада, и начать умело использовать то, что уже проверено временем и опытом. Не имея возможности входить детально в эти вопросы, хочу только указать на пример И.В. Киреевского с его попыткой создания собственно русской

3. Максимов Алексей, свящ. Католическая миссиология : История. Теория. Герменевтика. Москва : Изд-во ПСТГУ, 2021. 384 с.

философии на базе западного методологического инструментария и православного святоотеческого концепта «целостности духа». Герменевтика в миссиологии — явление не новое, однако в отечественной богословской (миссиологической) среде к ней далеко не всегда благожелательное отношение. На наш скромный взгляд, именно этот подход является единственно возможным для формирования подлинной православной миссиологии. В противном случае она, т. е. миссиология, так и останется «клубным занятием» для ограниченного круга увлеченных и дескриптивной дисциплиной в самом примитивном смысле этого слова. Об этом я также подробно говорю в своей монографии, равно как и в будущей монографии по аттрактивной миссии.

Одной из заслуг современной западной миссиологии является то, что, как было уже замечено, она транспонируется из области церковной практики в область богословской рефлексии. И здесь фундаментальное значение приобретает именно библейский подход, а если точнее, христоцентрическое измерение церковной миссии. Догмат Боговоплощения должен стать мерилем для миссиологии, поскольку миссия в христоцентричном понимании есть продолжение Боговоплощения через Церковь, Тело Христова. Для многих данные утверждения могут показаться «неправославными», однако только подобный подход к миссии может спасти ее от утилитарного истолкования.

Влияние светских гуманитарных дисциплин, несомненно, способствовало не только обогащению методологии и терминологии, но и развитию самого когнитивного метода. Кратко замечу, что основатели и разработчики западного богословия миссии изначально рассматривали его теоретическую часть комплексно, как состоящую из собственно богословских дисциплин и светских областей знания, таких как: этнология, этнография, лингвистика, культурология и т. д. Что касается катехизации, то здесь нельзя обойтись без педагогики, возрастной психологии, логики и т. д.

Вопрос о православных «ресурсах» достаточно сложен, поскольку на сегодняшний день в православном богословии не существует миссиологии как самостоятельной области богословской рефлексии. С одной стороны, с точки зрения рационального менталитета, это недостаток, с другой стороны, как мы уже старались заметить, «восточная модель миссии» имеет свои характерные черты, а именно образ «притяжения». Занимаясь многие годы миссиологической проблематикой, сформировавшейся не только западной традицией, но и восточной, могу утверждать,

что православие обладает такой «сокровищницей», которую мы не находим на Западе. Проблема в том, что часто мы не в состоянии добыть из нее ту или иную жемчужину. ИмPLICITно содержащиеся в литургической и патристической традиции драгоценности, способные «украсить» в том числе миссиологическую рефлексию и дать ей достаточный материал, эксплицитно не могут быть выражены богословским (миссиологическим) языком по причине его отсутствия. Здесь мы снова вынуждены возвратиться к примеру И. В. Киреевского, создавшего своего рода герменевтическую модель синтеза западной формы и восточной онтологии.

3. В какой-то степени, как кажется, ответ на этот вопрос частично был дан выше. Что касается исследовательского поля, то здесь необходимо снова подчеркнуть тезис, озвученный в самом начале. Объектом миссиологии является не что иное, как Церковь в своем исходе в мир. Основная проблема, на наш взгляд, заключается в том, что миссиология продолжает рассматриваться в рамках прочих богословских дисциплин, в то время как в западной богословской мысли ее границы расширяются так, что она становится своего рода методом, матрицей всего богословия, проверкой его аутентичности, поскольку всякое богословие имеет своей задачей прежде всего задачу миссионерскую.

4. Говоря о западной миссиологии, можно привести множество достаточно известных имен. Здесь и Г. Варнек, и Й. Шмидлин, и Р. Стрейт, и П. Шарль, Х. Самеса, А. де Любак, И. Конгар, А. Дюран, Ш. Журнэ и пр. Что касается православных theologов, то специалистов, которые занимались бы собственно богословием миссии в его аутентичном, а не дескриптивном значении, мне назвать сложно. Важно заметить в то же самое время, что те богословы, которые в своих сочинениях даже не употребляли термина «миссия» или делали это крайне редко, способствовали более глубокой рефлексии в области миссии, чем те, кто непосредственно писал о миссиологии и катехизации. Протопресвитер Александр Шеман, прот. Павел Флоренский, прот. Иоанн Мейендорф и прочие представители прежде всего эмигрантской плеяды своими глубокими прозрениями влияли в том числе и на названных выше западных богословов, внесших значительный вклад в разработку миссиологии и катехетики. Подобное «движение возвращения», на наш взгляд, достойно особого внимания и углубления.

5. Мне кажется, что еще протопр. Александр Шмеман ответил на вопрос, в чем основная проблема современного православия, заметив, что богословие Церкви никак не связано с жизнью Церкви. Проблема остается до сих пор. Применяя это замечание к вопросу о соотношении богословия миссии и миссионерской деятельности, можно сказать то же самое. Здесь мне хотелось бы привести известную всем евангельскую притчу о доме, построенном на камне и на песке^{*1}. Библейские и теологические основания — не пустые теоретические спекуляции, чтобы «притянуть миссию за уши» к доктринальному уровню, они — тот единственный камень, построив на котором, можно быть уверенным, что и практическая миссионерская, и катехитическая деятельность принесут свои плоды и устоят при внешних бурях. В противном случае, продолжая строить на песке пусть и благочестивых, но богословски не аргументированных оснований, мы рискуем «великим падением» всего здания. О том, каким образом должно происходить взаимодействие, могу сказать только одно: при всех, как принято сегодня выражаться, успешных маркетинговых подходах, это взаимодействие не осуществится до тех пор, пока каждый христианин (не говоря об иерархии и богословском сообществе) не осознает, что не Церковь занимается миссией, а Церковь сама есть воплощенная миссия.

*1 Ср. Мф 7:24–27

Димитриос Керамидас

Доктор теологии, приглашенный профессор Папского университета св. Фомы Аквинского «Ангеликум» (Рим) / Dr. Theology, Guest professor, Pontifical University of St. Thomas Aquinas — „Angelicum“ (Rome) • d_keramidas@yahoo.gr

1. В настоящее время миссионерство уже рассматривается не как практическая ветвь теоретического богословия, а как богословский *локус* в полном смысле этого слова. Миссия — это *исход* Церкви в мир, это ее встреча с «другими»: с инославными, с нехристианами, с потерявшими веру во Христа, с людьми, не исповедующими никакой религиозной веры, с ближними и дальними и т. д. Именно для того, чтобы она была «встречей» с теми, кто вне Церкви, миссия является одновременно и свидетельством православной традиции, и восприятием того, что может быть получено из других контекстов (языка, обычаев, социальных и человеческих проблем) в той мере, конечно, в какой они совместимы с Евангелием и основными христианскими доктринами.

Катехизация, безусловно, является важным выражением миссионерской деятельности — возможно, не единственным, но центральным; она направлена на тех, кто уже крещен, на тех, кто принял Христа и нуждается во введении в церковную жизнь. Другими формами миссионерской деятельности являются проповедь, диалог, служение/диакония, таинства и особенно Евхаристия — последняя для многих является главным миссионерским действием Церкви. Благодаря всем этим средствам Церковь формирует особый миссионерский опыт: одни поместные церкви имеют ежедневные контакты с людьми других вероисповеданий, другие — нет; православные общины диаспоры приобрели опыт смешанных браков, а также воспитания детей из смешанных семей; православные, живущие в Европе или США, в целом лучше знакомы с другими христианами и нередко пользуются общими катехизическими программами. В Африке пасторы сталкиваются с социальными проблемами, неизвестными на Западе. В Азии христианская катехизация должна учитывать особенности лексики, используемой этими народами. Таким образом, миссионерская деятельность не может быть везде и всегда абсолютно одинаковой, так же как и разнообразие миссионерских и катехизических программ не означает, что «единая» миссия Церкви разделена на множество отдельных миссий. Миссия Церкви всегда одна, как и наш Господь. Выражений миссии может быть много, подобно тому, как объединены Божественные ипостаси в Троице. Вот как существует «Миссия миссий».

2. В целом, принципы миссионерства и катехизации базируются на церковной традиции, в которой Священное писание, несомненно, занимает центральное место. В Священном писании мы можем видеть вселенский дух миссии, ее основание во Христе, роль Святого Духа в просвещении людей, миссионерские идеалы мира, примирение людей и воссоединение всех во Христе. Библия также является основой нашей веры в то, что все человечество получает любящую энергию Бога — Бог, как Отец, желает встретиться со всеми теми, кто становится соучастниками Божьей миссии (*missio Dei*). Теперь, что касается других церквей и конфессий: если основные элементы нашей веры соблюдены, то мы можем учиться миссионерской и катехизической практике у других христиан (если мы не считаем, что мы должны только учить других и ничего от них не получать!). Действительно, миссионерский опыт и катехизические методы в других христи-

анских средах настолько продвинулись вперед, что их уже не рассматривают, по крайней мере, в значительной степени, как «конфессиональные» миссии, а по большей части как «христианские» в экуменическом смысле слова. В конце концов, мы, православные, утверждаем, что миссия — это не прозелитизм, а свидетельство и, в частности, «общее христианское свидетельство», а это значит, что мы не только *сотрудничаем* с другими, но и *делимся* с ними своим миссионерским богословием и методологией. В этом процессе так называемые светские науки (социальные науки, психология, культурная антропология) могут многое предложить церкви для расширения возможностей проповеди Евангелия. В конце концов, между богословием и миром нет столкновения, а есть диалектическая связь, взаимный перихорезис. В любом случае миссия должна объединять, а не разделять мир!

3. Я бы ответил так, как на аналогичный вопрос ответил один индийский миссионер-иезуит. Он сказал, что если пойти в книжный магазин, то там не будет полка с книгами, посвященными миссии, поскольку миссия существует повсюду: в библеистике, в церковной истории, в литургическом, пастырском и систематическом богословии. Тут я не имею в виду, что миссионерство не имеет своей собственной области изучения, но что оно находится в центре богословской мысли, поскольку оно вдохновляет и вдохновляется всеми богословскими областями. Например, сегодня межконфессиональный диалог рассматривается как воплощение христианского богословия, в то время как многие утверждают, что миссия играет решающую роль в деле христианского единства, а также во взаимодействии Церкви с миром и различными культурами.

4. На мой взгляд — не умаляя вклада других ученых — наиболее знаковой фигурой в современной православной миссиологии является нынешний архиепископ Албании Анастасий (Яннулатос). Полагаю, что его жизнь и деятельность знакомы многим людям, занимающимся миссионерством. Еще в 1950-х годах архиеп. Анастасий посвятил свою жизнь возрождению православного миссионерского сознания (подчеркивая, что «безразличие к миссии означает безразличие к Церкви»), активно участвовал в экуменических миссионерских дискуссиях, после 1990-х годов восстановил после десятилетий антихристианских гонений Албанскую православную церковь. Он стал серьезным знатоком ислама и

был одним из основоположников православного богословия религий, его ценят на международном уровне и как ученого, и как чуткого пастыря, человека диалога, и как истинного защитника универсальности Евангелия. Он выступает против религиозного национализма и православного филетизма и стремится к более глубокому внутривосправославному сотрудничеству. Мне представляется, что его труд может служить примером и должен быть широко изучен — насколько мне известно, этому посвящены уже некоторые докторские диссертации, по крайней мере, в Греции.

5. В миссии богословие и практика идут бок о бок. Современная пастырская деятельность породила новые знания, требующие духовной «проницательности» — выше мы уже приводили некоторые примеры — и глубокого, систематического изучения нашей современной среды. Задача научного исследования состоит не только в том, чтобы осветить теологическое основание миссии, но и в том, чтобы показать, каким образом прошлое может помочь встретить современные вызовы. Например, особую актуальность сегодня имеют вопросы: как древняя церковь способствовала своей инкультурации в греко-римском мире? Каковы были ее отношения с нехристианами (иудеями или греками)? Что она взяла из греческой философии? Это, я думаю, важные вопросы для современных богословских исследований, которые должны помочь также миссионерской практике, сталкивающейся с такими проблемами, как секуляризация, христианизация, межконфессиональные столкновения и т. д.